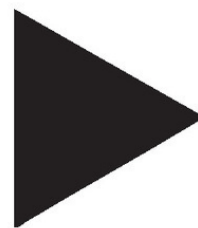

лекции **PRO**

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

А. В. Марков
**ПОСТМОДЕРН
КУЛЬТУРЫ
И КУЛЬТУРА
ПОСТМОДЕРНА**

ЛекцииPRO

Александр Марков

**Постмодерн культуры и
культура постмодерна.
Лекции по теории культуры**

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 14
ББК 87.3

Марков А. В.

Постмодерн культуры и культура постмодерна. Лекции по теории культуры / А. В. Марков — «РИПОЛ Классик», 2018 — (ЛекцииPRO)

ISBN 978-5-386-13329-0

Постмодернизм отождествляют с современностью и пытаются с ним расстаться, благословляют его и проклинают. Но без постмодерна как состояния культуры невозможно представить себе ни одно явление современности. Александр Викторович Марков предлагает рассматривать постмодерн как школу критического мышления и одновременно как необходимый этап взаимодействия университетской учености и массовой культуры. В курсе лекций постмодернизм не сводится ни к идеологиям, ни к литературному стилю, но изучается как эпоха со своими открытиями и возможностями. В лекциях подробно и ясно объясняются сложные термины, даются примеры использования современных научных методов. Простое и членораздельное изложение позволяет читать эти лекции всем, кто хочет разобраться в том, как устроен современный мир и как дальше будет развиваться мировая культура.

УДК 14
ББК 87.3

ISBN 978-5-386-13329-0

© Марков А. В., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

Nota bene	6
Предисловие	8
Лекция 1. Культура университетов и университеты культуры	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Марков
Постмодерн культуры и культура
постмодерна. Лекции по теории культуры

© Марков А. В., 2018

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

Nota bene

Жан Бодрийяр

Вещи не составляют ни флоры, ни фауны. Однако они создают явное впечатление разномножающейся растительности или джунглей, где новый дикий человек современности с трудом отыскивает вновь проявления цивилизации. Эти фауна и флора созданы человеком и появляются, чтобы окружить его и проникнуть в него, как в дурных научно-фантастических романах; нужно попытаться скорее описать, какими мы их видим и переживаем, никогда не забывая, что при всей их пышности и изобилии они являются продуктом человеческой деятельности и что они подчинены не естественным экологическим законам, а закону меновой стоимости.

Эдмунд Гуссерль

Что переживание – это переживание чего-либо, например, вымысел – это вымысел кентавра, а восприятие – восприятие «реального» предмета, суждение – суждение о соответствующем положении дел и т. д., – все это относится не к переживаемому факту в мире, в особенности в фактической психологической взаимосвязи, а относится к чистой сущности, постигаемой через идеацию просто как идея. В сущности переживания заключено не только то, что оно есть сознание, но и то, чего сознание оно есть, а также в каком определенном или неопределенном смысле оно есть это. Тем самым и в сущности неактуального сознания заключено то, в какого рода cogitationes следует переводить его посредством обсуждавшейся выше модификации, какую мы называем «обращением принимающего к сведению взора на прежде не принимавшейся к сведению».

Мартин Хайдеггер

Науки суть способы присутствия быть, в которых оно отнесено и к сущему, которое не обязательно оно само. К присутствию, однако, сущностно принадлежит бытие в мире. Принадлежащее к присутствию понимание бытия поэтому равнозначительно включает понимание чего-то наподобие «мира» и понимание бытия сущего, доступного внутри мира. Онтологии, имеющие темой сущее неприсутствие размерного характера бытия, сами поэтому фундированы и мотивированы в онтической структуре присутствия, которая вбирает в себя определенность доонтологического понимания бытия.

Александр Кожев

Человек является тем единственным в мире существом, которое знает, что должно будет умереть, поэтому можно сказать, что он есть сознание своей смерти: подлинно человеческое существование есть существующее сознание смерти или смерть, осознающая себя. Человек достигает своего совершенства, достигая полноты самосознания, он является конечным по самой своей сущности, только в сознательном принятии факта своей конечности достигает он кульминации своего человеческого существования. Именно полное (дискурсивное) понимание смысла смерти конституирует ту гегельянскую Мудрость, которая завершает Историю, сообщая Человеку полное Удовлетворение.

Жак Деррида

Знаки оказываются чуждыми этому самоприсутствию, которое является почвой присутствия вообще. Раз знаки являются чуждыми самоприсутствию живого настоящего, то их можно назвать чуждыми присутствию вообще (что теперь входит в моду) в интуиции или восприятии.

Жак Лакан

Ибо означающее по самой природе своей всегда предвосхищает смысл и как бы расстилает перед ним свое собственное измерение. Это бывает хорошо заметно на уровне фразы, когда фраза эта перед значащим термином обрывается, например: «Никогда я не...», «Всегда получается так, что...», «Быть может, еще...». Она не делается от этого менее осмысленной, и смысл ее тем более навязчив, что вполне довольствуется ожиданием, которое сам провоцирует.

Жорж Батай

Капитализм – это как бы безоговорочное вручение себя вещам, но не задумывающееся о последствиях и не видящее ничего за ними. Для обычного капитализма вещь (продукт или производство) не является, как для пуританина, тем, чем он сам становится и хочет стать; если вещь и находится в нем самом, если он и сам есть вещь, то это как Сатана вселяется в душу одержимого, не знающего об этом, или же как одержимый, не ведая того, сам является Сатаной.

Юлия Кристева

Литературное творение является тем приключением тела и знаков, которое несет свидетельство аффекта – печали как меты отделения и как зачатка символического измерения, радости как меты триумфа, который позволяет мне установиться в универсуме искусственного приема и символа, которые я пытаюсь привести в наилучшее соответствие с моим опытом реальности. Но в то же время литературное творение реализует такое свидетельство в материале, совершенно отличном от настроения. Оно переносит аффект в ритмы, в знаки, в формы.

Барбара Кассен

Уже в самом утреннем из того, что достигло нашего слуха на всем протяжении западной мысли, присутствует соотношенность между вещью и словом, которая, строго говоря, выступает в образе отношения между бытием и речью. Мысль, обуреваемая этой соотношенностью, настолько сбивается с толку, что находит единственное слово, чтобы объявить о ней: *logos*. Данное слово вещает одновременно как имя бытия и как имя речи. Но еще сильнее приводит нас в замешательство тот факт, что, несмотря на такое положение, слово так и не становится предметом опыта – опыта, в котором слово само приходило бы непосредственно к слову соразмерно с этим отношением.

Виктор Кривулин

боюсь я: барт и деррида
не понаделали б вреда
они совсем не в то играют
что мне диктует мой background

Предисловие

– Постмодерн? – скажет читатель. – Разве не говорят о нем в нашей стране уже три десятилетия? Разве не включили его во все курсы по гуманитарным наукам, от истории философии, искусства и литературы до социологии и политологии? Наконец, разве не напомним он о себе, даже если мы пытаемся о нем не думать?

Но одно дело – постмодерн (или постмодернизм, если говорить о системе идей), о котором упомянули по телевизору или в книжном магазине. А другое дело – постмодерн, в котором мы уже живем, независимо от того, как к нему относимся. Древние греки не знали, что они древние; средневековые люди не представляли, что у них на дворе Средневековье, и современники Пушкина едва догадывались, что живут в эпоху Пушкина. Так и мы можем говорить, что нас не интересует постмодерн в искусстве или философии, но мы уже оказались внутри него, как оказались внутри романтизма или реализма.

Как бы ни казалось это странным, понимать, в какую эпоху мы живем, необходимо для того, чтобы правильно действовать. Да, древние греки не знали, что они древние, но знали, что был золотой век, что их боги возникли раньше них, что они могут создавать прекрасные вещи, которые прослужат долго, и что хотя они не такие древние, как египтяне, но потомкам будет что о них сказать. Средневековые люди не знали, что такое Средневековье, но они знали, посреди каких веков они существуют, что в прошло великие библейские века, а ждет жизнь будущего века. Не знали бы они этого, не смогли бы действовать так, что нам есть что о них сказать.

Этот курс лекций позволяет разобраться в культуре постмодерна, как она работает, как она производит свои смыслы, как она помогает себя осознать и счастливо действовать в ней. Создавался курс как введение в современную теорию культуры и может быть отнесен к книгам типа «как это работает». Оказалось, что нельзя объяснить ни одну новейшую идею или концепцию, не раскрыв того интеллектуального содержания культуры, тех механизмов мысли, в которых эти идеи возникают. Более того, постмодерн декларирует, что от индивидуального взгляда на вещи мало что зависит: сам этот индивидуальный взгляд является частью более сложных процессов.

Курс раскрывает, как произошла та самая «смерть автора», смерть индивида, который прежде считался центром мироздания. Как было доказано, что личность, дружба, любовь и многие другие понятия, которые казались «естественными», на самом деле сконструированы. И как изобретенность и умышленность всего, что кажется естественным, побуждает нас заново пережить ту глубину, которая привела в действие все эти механизмы изобретения.

Школьное образование у нас во многом не вошло в эпоху постмодерна. Понятия «личность», «индивидуальность», «мировоззрение», «общество», «красота» и другие воспринимаются как естественные, хотя их внушила школа вместе с обучением нормам высказывания. Эти понятия важны и нужны, но каждое на своем месте, а вовсе не на всех местах, на которые можно бросить взгляд. Курс можно считать таким введением в работу по уточнению слов, которые привычно описывают вроде бы привычный мир, но на проверку оказываются проблемной, задачей, которую нужно решить, чтобы понять, где именно сейчас в культуре мы находимся, в какой точке, на каком этапе ее развития.

Курс предостерегает от готовых ярлыков и от оценивающего взгляда на культуру: оценке всегда лучше предпочесть наблюдение за тем, как раскрывается культура, как она обретает сокровища своих ценностей. Курс показывает, сколь неуместно говорить, что все большие духовные достижения в прошлом – напротив, современный мир, сложный, мультикультурный и мультимедийный, дал возможность с новой силой проявиться самым разным интеллектуальным и творческим достижениям.

При подготовке лекций я думал о том, что же меня так изматывало в студенческие годы (1994-1999), не давая взлететь. И отсутствие чего сейчас так радует до слез. Вещественное понимание мысли многими коллегами по школьной и потом студенческой скамье, гнетущее их желание не встретиться с мыслью, а только хвататься за вещи, знакомые и не знакомые, но с равной хваткой. Кошмарный разрыв между тем, что ты встречаешь в тогдашнем книжном магазине, и что встречаешь на семинаре в университете. В выходящих книгах был трепет живой мысли, все любимые гении мысли сотрясали до дна, а в университетской аудитории – мертвящий запасник вещей. Отличники могли прекрасно воспроизводить лекцию или учебник, но это никогда не было встречей с мыслью, но было перетаскиванием вещей, ничем не отличаясь от перекалывания вещей из одной комнаты в другую. Это не было удивление, по Платону, «великая философская страсть», это были секретарские операции с бумагами: учебники и тексты к семинару перемещались из стола в головы и из голов в доклад так же, как перемещаются они с одной полки офисного сортера на соседнюю. Ужасало, что можно прочесть сотни самых великих и умных книг и так и не встретиться с мыслью, с мыслью обжигающей, выворачивающей кожей наружу, входящей «как образ входит в образ», когда ты словно подвешен на крючке мысли, вращающей тебя на головокружительной золотой карусели интеллектуального эроса. Когда ты читаешь книгу, и мысль что-то с тобой делает, и ты радуешься этому деланию. И какое счастье теперь работать со студентом, который(ая) каждый(ая) встретился со своей мыслью.

Поэтому для меня так важны книги, показывающие, что дружба и любовь – не универсалии, но особые аффекты, особые встречи, меняющие жизнь полностью, как «вселенская страсть», а не эпизод среди многих эпизодов. Что дружбу изобрели Аристотель и Цицерон, обосновывавшие, как можно быть совершенным философом и при этом в чем-то и ком-то нуждаться, чтобы на тебя обратили внимание другие. Что любовь как влюбленность изобрели трубадуры, перенесшие правила аскетики (созерцание отсутствующего, нежная дума о невидимом, важность икон и реликвий, сердечная глубина переживания) на любовную область. Если мы знаем, как изобретается культура, то мы лучше знаем, как и что нас может «аффицировать», затронуть болезненно и счастливо – одно из важных слов этого курса, как раз стоящее ближе к «культурным универсалиям», чем многое, что за них выдают.

Лекции из этого курса читались в РАНХиГС и РГГУ в рамках дисциплин «Современные культурологические концепции», «Современные подходы к изучению культуры и искусства», «Междисциплинарные подходы к изучению искусства», а также в виде отдельных лекций в Московском философском колледже и на других площадках. Благодарю инициаторов всех этих чтений, советчиков, дискуссионтов, многих, даривших обсуждениями и идеями. Такие обсуждения становятся для нас особым законом – законом гостеприимства и законом радости.

Отдельные благодарности: профессору В. А. Колотаеву, П. А. Сафронову, В. С. Вахштайну, Т. Д. Венедиктовой, С. А. Мартыановой (Владимир), поддержавшим чтение этих курсов.

Л. А. Гегель (МАТИ-РГТУ имени К. Э. Циолковского) и В. М. Мапельман (МИСиС), благодаря которым я начал читать лекции по культурологии.

Руководству магазина «Пиотровский» (Пермь, Екатеринбург), издательству Hyle Press, профессору Н. В. Ковтун (Красноярск), профессору А. А. Арустамовой (Пермь) – за организацию моих лекций в этих городах.

А. В. Ямпольской, в беседах с которой возникли многие замыслы этой книги.

Ю. В. Ивановой, поддержавшей ценнейшими советами первые мои культурологические лекции.

Т. В. Бородай и О. А. Седаковой за продолжающуюся совместную научную работу в МГУ имени М. В. Ломоносова.

Докторам Барбаре Кассен, Мишель Жендро-Массалу, Филиппу-Жозефу Салазару, Франсуа Федье и другим собеседникам в Париже, Серизи-ла-Салль и центру Трей, познакомившим меня с разными сторонами французской теории. Особая благодарность г-же Катрин Обуно за организацию резиденции в Трей в Провансе.

Доктору Василию Львову за возможность чтения лекций в Городском университете Нью-Йорка, доктору Анастасии Форкно де ля Фортель – в Университете Лозанны, доктору Тамаре Джерманович – в университете Помпеу Фабра в Барселоне, доктору Николаю Плотникову – в Рурском Университете Бохума, доктору Феодору Полякову – в ближайшем будущем в Венском университете. Все эти командировки очень помогли в работе.

Рецензентам этих лекций: профессору Татьяне Петровне Лифинцевой, профессору Ирине Георгиевне Хангельдиевой, профессору Марии Александровне Черняк.

Издание лекций посвящаю светлой памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова и светлой памяти Маргариты Ивановны Лекомцевой.

А.М.

3 февраля 2018 г.

Лекция 1. Культура университетов и университеты культуры

В современном мире единого понимания культуры нет, культура является скорее полем интеллектуальных сражений, чем областью систематических разработок. Гуманитарные науки разделились на два больших русла: науки, связанные с влиянием США и американской моделью образования, так называемой англосаксонской, и науки, связанные с традициями старой университетской Европы, или, как часто говорят, «континентальной» Европы. Слово *continental* – английское обозначение всей Европы, кроме самой Великобритании, поэтому термин «континентальная наука» или «континентальная философия» употребляется для обозначения наук, развивающихся в европейских университетах.

Различаются эти подходы и с точки зрения интеллектуальных традиций, и с точки зрения социологии образования. Прежде всего, в англосаксонской системе возникло требование двухступенчатой подготовки, в конечном счете ставшее нормой во всех мировых университетах. Но вся проблема в том, что самые популярные специальности, такие как юриспруденция и бизнес, не подразумевают бакалавриата. Существуют только магистратуры юриспруденции (ML) и бизнеса (MBA). Поэтому в американской системе были придуманы бакалавриаты, готовящие человека к будущей карьере юриста, бизнесмена или государственного деятеля. Сложилось два основных течения: философский бакалавриат, основанный на аналитической философии, и либеральные искусства (*liberal arts*) – то, что можно назвать общегуманитарной подготовкой. Вокруг этих двух учебных программ и сложилась значительная часть имеющихся в США концепций культуры.

Кроме того, ряд концепций возник в связи с вполне определенными социальными процессами, в частности с карьерой, которую совершали в США эмигранты. Было несколько волн эмиграции, и эмигранты очень часто в академической среде показывали себя более приспособленными к новым академическим вызовам, чем местные исследователи. Так, например, в 1930-е годы (по понятным политическим причинам) американские университеты наполнялись выходцами из Германии. В 1960 – 1970-е годы шла новая волна преподавателей из Европы. В 1980-е годы и 1990-е часть позиций занимают выходцы из стран бывшего советского блока и особенно из развивающихся стран; постколониальные исследования формируются выходцами из развивающегося мира (например, ближнего Востока, как Эдвард Вади Саид). Таким людям приходится отстаивать ценности собственной культуры и доказывать, что предшествующие представления об их культуре, о культуре Востока или культуре Африки, были вымыслом или мифом.

Так, книга Саида «Ориентализм», манифест постколониальных исследований, представляет собой по сути дела культурологический роман, рассказывающий, как европейская культура в течение более чем двух столетий превращала Восток в сказку, заменяя реальное представление о Востоке рядом упрощенных повествований. Такие повести об этом позволяли европейцам чувствовать себя на Востоке хозяевами жизни.

Саид считает что такое «туристическое» отношение к миру, отношение западного человека ко всему миру как к площадке собственного комфорта, было предопределено европейской колонизацией Востока (прежде всего британской активностью на Ближнем Востоке, с постепенным переходом многих восточных стран под покровительство Британии). По мнению Саида, такая колонизация сопровождалась изобретением Востока как мира якобы инертной, расслабленной и погруженной в миф и сказку культуры.

Саид решил доказать прямо противоположное – устойчивость европейских представлений и динамичность и противоречивость восточного взгляда на мир, способность восточных

культур точнее предсказывать развитие событий. За Саидом пошли очень многие выходцы с Ближнего Востока, настаивающие, что они обладают большей интуицией, чем питомцы западной культуры (таков экономист Нассим Николь Талеб – выходец из Ливана, который заявляет о себе как о прогностике экономических процессов). Но есть и другие процессы в теории культуры родом из развивающихся стран.

Например, в современной Африке существует немало опытов создания африканской философии, африканской социологии и даже африканской теории культуры, начиная с первого президента Сенегала Леопольда Седара Сенгора и первого президента Ганы Френсиса Кваме Нкрумы. Эти мыслители обычно действуют примерно так, как европейские романтики в XIX веке, особенно немецкие, противопоставлявшие германскую духовность французской и английской технократической цивилизации, и как действовали русские романтики-славянофилы, которые, в свою очередь, на тех же основаниях противопоставляли Россию уже всей Европе.

Современные африканские общественные деятели и интеллектуалы часто противопоставляют Западу, который якобы погряз в материализме и потребительстве, технократизме, не способен решить экологические проблемы, некую африканскую самобытность. Но если для романтиков освободительной идеологией стало Просвещение, то для африканских мыслителей освободительной идеологией становится сначала философия жизни и экзистенциализм, а в наши дни – постмодерн.

Постмодерн, настаивая на том, что старые идеологические нарративы не могут объяснить мир, кажется африканцам разоблачением всех старых позиций Запада и санкцией для Африки выйти на мировую арену производства идей. Труды этих африканских философов читать интересно: например, они настаивают на том, что африканец особо духовен, потому что чувствует ритм. В отличие от западного рационализма, мы, африканцы, подчиняемся танцу, мыслим своим телом и своими движениями, а не с помощью только рациональных схем. Как это напоминает романтическую и славянофильскую критику рационализма!

А что происходит в Европе, на «континенте»? В Европе современный интеллектуальный ландшафт во многом сформировался после революционных событий мая 1968 года в Париже. Это была переломная точка в развитии интеллектуальной Европы XX века. Тогда прошла студенческая революция, после которой была проведена реформа университетов: университеты получили большую свободу в выборе программ. В университеты смогли поступить на работу те мыслители, которые до этого находились на достаточно маргинальных позициях, но с которыми и связывают постмодерную мысль, такие как Ролан Барт, Мишель Фуко и другие. Они принимали активное участие в самих событиях этой революции, и представители современной французской интеллектуальной мысли не перестают подчеркивать, что их мысль политически заострена, напрямую связана с борьбой студентов в 1968 году за свободное преподавание и за гибкое содержание курсов.

Революция 1968 года была своеобразным политическим карнавалом; можно сказать, это было первое событие карнавализованной политики, откуда выросли и все дальнейшие молодежные нонконформистские движения в политике вплоть до наших дней. Например, демонстранты шли под такими лозунгами как «запрещается запрещать», «под каждой улицей пляж» – имеется в виду что можно использовать булыжники в политической борьбе, но также что можно расслабиться, никогда не работать и жить всю жизнь на пособие. В таких выступлениях, конечно, дал о себе знать кризис индустриального общества и индустриальной схемы образования, в которой образование и вообще интеллектуальная деятельность понималась лишь как промышленная обработка информации.

Кем до 1968 г. считался гуманитарий, специалист по культуре? Тем, кто собирает большое количество сырых сведений, перерабатывает их и постоянно делает какие-то обобщающие выводы. Одним словом, он действует так, как действует любой завод, только завод занимается

производством вещей, а гуманитарий – производством идей. Но точно так же идеи создаются из сырого материала, из фактов и некоторых правил работы с этими фактами.

Такая индустриальная концепция и вообще индустриальный принцип интеллектуального производства начал претерпевать в 60-е годы кризис во всем мире. И особенно в 70-е годы во всем мире продолжается кризис индустриального капитализма и начинается формирование так называемого постиндустриального общества, в котором важно не просто уметь что-то производить, но правильно позиционировать произведенный продукт, правильно догадываясь, где разместить производство.

Значительная часть производства выводится в страны третьего мира, часть производств свертывается или вводятся упрощенные технологии, для многих новейших индустрий уже не требуются большие предприятия (например, из-за нефтяного кризиса 70-х годов прекращается выпуск больших автомобилей, всех этих «кадиллаков», которыми гордились США, и стартует производство малолитражных автомобилей во всем мире, во главе с Японией). Многие предсказывали тогда конец промышленности. Из-за постепенного развала промышленности разразился экономический кризис, и в конце 70-х годов на победу претендует новая экономическая идеология под названием «неолиберализм».

Согласно этой идеологии прежде всего необходимо высвобождать инвестиции и вкладывать деньги во все новые и новые проекты, дающие непосредственную отдачу. Банки должны выступать такими же игроками на рынке, как и промышленные предприятия. И государство в некотором смысле является самым крупным и тоже рыночным игроком.

Но для нас важно пока, что 1968 год привел к переходу университетов от промышленной схемы накопления и переработки знаний к постиндустриальной схеме соревнования разных концепций, разных кафедр, соперничества факультетов и институтов за внимание студентов. Университет превратился из места, где производятся качественные знания, из университета промышленного образца, который изготавливает готовые подходы, – в университет, в котором спорят о подходах.

Внутриуниверситетские идеологии, которые это санкционируют, получили общее название постмодерн или постмодернизм. С этим термином происходили очень интересные метаморфозы. Изначально это архитектурный термин, обозначавший стиль, противопоставивший себя модернизму, стилистике индустриальной эпохи с ее практицизмом, экспериментами, использованием новых и необычных материалов. Постмодернизм в архитектуре настаивал на том, что от индустриальных принципов, от экспериментов, следует обратиться к сотворчеству со средой. Он был связан с развитием ландшафтной архитектуры: для постмодернизма в архитектуре контекст восприятия здания важен не менее самого здания.

А идеи постмодернизма как интеллектуального течения были сформулированы в известной книге Лиотара «Состояние постмодерна» (1979). Лиотар называет постмодернизмом критику так называемых метанарративов, больших нарративов: текстов, объясняющих мир, или историю, или человека и на самом деле создающих искаженную картину происходящего, подчиняющих события какой-то идеологической схеме. Скажем, рассказ об истории любой страны невольно превращается в восхваление, в повесть о великом прошлом; любой рассказ о человеке, о его жизни, психологии, предназначении, любая биография, или любой антропологический текст невольно превращается в антропоцентрический текст – горизонтом описания оказывается мир данного человека.

Постмодернизм противопоставил себя старой экзистенциалистской философии с ее повышенным вниманием к «состоянию человека». Отвергнув большие нарративы и большие идеи, постмодернизм призвал быть внимательным к деталям социального и исторического опыта, к нюансам, оговоркам, странностям в развитии культуры. Не случайно многие деятели постмодернизма испытали влияние психоанализа и настаивали на том, что психоаналитический метод может применяться и по отношению к культуре. Они стали говорить и о комплек-

сах, и о неврозах культуры, и о ее маниях, фобиях. Жизнь культуры предстала как сложный процесс обретения культурой себя.

Нужно отметить еще одну важную особенность любой континентальной теории, она же – отличие философии XX века от XIX века. Философия старого классического типа, как и наука классического типа, была субъект-объектной. В ней был исследующий субъект и исследуемый объект: есть я, я изучаю и подчиняю себе окружающий мир, и есть мир объектов, который предстоит освоить, к которому я должен сформировать отношение.

Еще Ницше в конце XIX века заметил, что эта философия построена не по законам мышления, а по законам языка: в нашем родном языке есть подлежащее, сказуемое и дополнение, и отсюда философские «субъект» и «объект». Мы привыкли с детства к языку как первичному объяснению мира, поэтому поневоле переносим наши лингвистические привычки на мышление и начинаем мыслить окружающий мир «по букварю».

В XX веке появляется неклассическая философия и наука, в которой, наоборот, «я» оказывается скорее объектом воздействия. Например, в психоанализе «я» – только эпизод из жизни некоей группы, в которую входят еще «сверх-я» и «оно». В феноменологической философии сложилось понятие аффицированность: человек определяется как существо аффицированное, чем-то затронутое, чем-то потрясенное. Первичный человеческий опыт мыслится в этой новой философии не как рациональное познание мира: я беру и распоряжаюсь объектами как хочу, – но как удивление перед миром и затронутость явлениями этого мира. Человек начинает мыслить, когда чего-то боится, чем-то восхищается, изумляется, и только после этого начинаются акты мышления.

А Мишель Фуко даже писал в книге «Слова и вещи» (1966) о том, что человек исчезнет, как надпись на песке. Человек это не есть данность, человек как определенная организация субъекта возник на определенном этапе развития европейской культуры и на определенном этапе развития европейской культуры исчезнет.

Хайдеггер изобрел для обозначения подлинного бытия, предшествующего структурам субъекта и объекта, понятие «Dasein» – здесь-бытие: бытие, которое налично, которое само дано, «реальность как она есть». В отличие от научной реальности, которая является объектом познания, эта реальность, наоборот, познает человека. В некотором смысле человек оказывается эпизодом «Dasein», частным объектом «Dasein». Человек – это только фрагмент жизни «Dasein», объединяющий всю данность бытия.

Это слово сложно для перевода: его переводят как «здесь-бытие», «наличие», «присутствие». Можно определить такое «присутствие» как самораскрывающуюся реальность. Тогда человек – часть открытости этой реальности, как будто он тень, отбрасываемая такой всеобщей реальностью. Неклассический подход к бытию оказал решающее влияние на современную континентальную постмодерную мысль.

Постмодерная мысль тоже настаивает на том, что само понятие о человеке структурировано культурой: конструируется в ходе культурной деятельности, а не дано изначально. Поэтому возможно не только рождение человека в культуре, но и «смерть субъекта». Речь, конечно, не о физической смерти, а о том, что сами представления человека о себе необратимо меняются.

Так, Ролан Барт говорил о смерти автора в искусстве, о том, что понятие автора было сконструировано в идеологических целях, чтобы придать произведениям искусства авторитет: кто-то за них ручается, кто-то за них отвечает. Понятие было изобретено, чтобы внушить, что искусство содержит достоверные сведения.

Но когда искусство перестает восприниматься как способ познания, происходит смерть автора. За достоверными знаниями человек обращается к науке, а искусство служит лишь для развлечения. Читателю становится все равно, кто написал книгу, доставляющую удовольствие самым разным читателям.

Сама литература, считал Ролан Барт, постепенно превращается в игру знаков и смыслов, в ряд намеков, отсылающих к чему-то другому и при этом порождающих друг друга. Так как автор не претендует на передачу объективного знания, он, в общем, уже не нужен. Точнее, он нужен для того, чтобы собрать этот текст и отдать в печать, а идеи просто парят в воздухе, пока до них не дойдет телескоп критика.

Ролан Барт был, вне сомнения, прав в одном: понятие об авторе в европейской культуре возникло не сразу. Например, долгое время современные писатели авторами не считались: «авторы» – это почтенные поэты и писатели древности, мудрость которых подтверждена веками, одно упоминание которых авторитетно, поэтому нужно почтительно заучивать их наизусть.

Современные представления о литературе сформировались благодаря конкретным социальным процессам, хорошо изученным крупнейшим социологом искусства Пьером Бурдьё. Мишель Фуко говорил еще радикальнее Барта: само понятие о человеке было сконструировано в раннее Новое время. Когда человек стал мыслить себя как наблюдатель и наблюдаемый, получив тем самым возможность наблюдать за собой, когда появились новые социальные институты контроля над людьми, армия нового типа или тюрьма, тогда человек перестал ощущать себя, как прежде, членом рода, общины, семьи – и появилась современная личность.

Для Фуко эта новая личность – не содержательная, а функциональная категория: это тот, кто может наблюдать себя в зеркале и за кем может наблюдать власть, кто находится под контролем. Французский психоаналитик Жак Лакан также считал «стадию зеркала» – способность младенца узнать себя в зеркале – ключевой стадией в конструировании личности, при этом настаивая, что личность никогда не становится завершенной и непротиворечивой конструкцией.

Следует заметить, что существуют три подхода к личности в европейской культуре. При первом подходе личность понимается как единство сознания: если я могу помыслить себя как «я», то я тем самым доказываю бытие себя. Такой подход восходит к Рене Декарту с его максимой: «Я мыслю, следовательно, существую».

Второй подход принадлежит английскому просвещению, таким его представителям, как Джон Локк и другие философы-сенсуалисты. Единство личности в нем понимается как единство памяти, то есть если я помню себя вчерашнего и отождествляю себя с собой вчерашним, помнящим себя и помнящим то же, что помнил вчера, то тем самым я оказываюсь «я». От этого второго подхода происходят понятие идентичность и отождествление личности с идентичностью, обычное для англо-американской традиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.